

КЛУБ

ЗАВЯТЫХ

ТЕАТРАЛОВ

ЧУДО ТЕХ ВЕЧЕРОВ

Примечание к публикации: Мария Ивановна Бабанова

Впечатления от театра бывают разными, кому как повезет. Бывают потрясения. Редко. Это — как чудо. Я могу рассказать о девочке, саратовской школьнице, которая, приехав в Москву, испытала такое потрясение. Давно это было. Случайно девочка попала на спектакль «Таня». Из программки узнала, что роль Тани играет артистка М. Бабанова.

С первой же минуты зал безраздельно подчинился власти актрисы. Он то смеялся, то плакал, следил за каждым ее движением — все важно, ничего нельзя пропустить. Обыкновенную, вполне житейскую историю Тани актриса рассказывала легко и естественно, но только с той степенью обнаженности, с такой отчаянной откровенностью, как можно рассказать лишь собственную судьбу. Нельзя было уцелеть в этом лирическом потоке со сцены. Вместе со всеми плакала и неисклюшенная зрительница из Саратова. Долго ждала она потом, пока разойдутся зрители, чтобы не видели ее заревавшего лица. Ждала и думала: что же это было? Актриса играла как будто в первый и последний раз.

Было непонятно, как это нежное, такое хрупкое на вид создание выдержало это огромное внутреннее напряжение. А может быть, случилось что-нибудь? Случилось с ней. С самой М. Бабановой? Могло же что-то произойти в этот день, какое-то трагическое совпадение. Такое девочка видела на сцене впервые в жизни. Как трудно верить в волшебство... Она побежала к афише: когда идет «Таня» в следующий раз? Решила посмотреть еще. Еле еле дождалась следующего спектакля. И снова было чудо. Чудо искусства. И новое потрясение от собственного открытия: на сцене вот так и должно быть.

Потом уже девочка узнала, что о Бабановой написаны книги, что она знаменита, услышала о ней легенды, как, например,

съезжались московские театралы на спектакль «Рычи, Китай!», чтобы послушать песенку мальчика боя, или как замечательно играла актриса другого мальчика — Гогу в «Человеке с портфелем», Анку в «Поэме о топоре», Стеллу в «Великодушно рогоносце», Полину в «Доходном месте», Джульетту. И каждая роль становилась событием. о каждой много написано, рассказано, говорили об «эпохе бабановского театра». А в тот вечер девочка видела чудо своими глазами и поверила в него. В ее жизнь вошел тогда идеал высокого искусства, настоящего, подлинного Театра.

После того многого, что уже сказано о Марии Ивановне Бабановой, решаюсь написать эти строки о ней лишь потому, что

той девочкой была я. С той поры на всю жизнь сохранились в душе любовь к этой удивительной актрисе и благодарность за каждое ее появление на сцене. И что бы я ни видела потом в других театрах, на любых сценах, я сопоставляю с чудом тех вечеров.

Всегда хочешь понять для себя: в чем таинство мощного воздействия на зал большого артиста? Почему мы так хотим видеть и слышать его? И вообще: почему одного человека на сцене слушают, а другого — нет?

Наверное, в каждом случае — свой ответ. О Бабановой я сказала бы так: ее искусство сродни прекрасной музыке. Музыке, которая захватывает тебя целиком, тревожит самые затаенные струны сердца, заставляет радоваться, грустить, страдать. Более того, само оно — музыка. Многие драматические актеры музыкально одарены, поют, танцуют — что же, это прекрасно, это расширяет их творческие возможности. У Бабановой иначе. Ее нельзя представить себе не поющей. Голос ее, удивительно чистого детского тембра, узнаваемый из тысячи других, звучит музыкально. Вспомним хотя бы ее поразительные записи на радио — их неповторимо «бабановскую» мелодику. Музыкой пронизано все, что она делает на сцене. Музыкальные паузы, шаги по сцене, руки, поворот головы, вся пластика, взгляд, интонации самого простого бытового текста, который она произносит. Она сама — дивный инструмент и вдохновенный исполнитель. Явление редчайшее, уникальное.

Вот такой она была в «Тане». Неудержимым, страстным потоком лилась со сцены музыка Бабановой — то окрашенная пленительной шопеновской грустью, то обретавшая силу бетховенского драматизма: через страдания — к радости.

А вот другая прославленная ее роль — Диана в «Собаке на сене». Бесчисленное множество раз бегали мы студентами на

этот спектакль. Как по-иному звучала здесь музыка Бабановой! Лирические пассажи стихов — и бурные, искрометные взрывы темперамента. Резкие внутренние ходы, парадоксальные повороты. В страстную любовную тему неожиданно и забавно, с прокофьевским изяществом, вривались интонации капризного, избалованного ребенка.

Только с годами я поняла, что искусство Бабановой — органический сплав редкой природной одаренности и тончайшего, благороднейшего мастерства. Ведь при таком обаянии, трепетности, внутренней легкости и пластичности актриса могла бы полагаться на заразительность этих сценических данных, на успех вот такого инструмента, созданного самой природой. Максимализм в искусстве, высокая требовательность к себе, к каждой роли, к каждому выходу на сцену ведут ее по пути вечных поисков, бесконечного совершенствования. И именно такая жизнь в искусстве дала этот удивительный сплав.

Мне повезло: я видела Офелию Бабановой (к сожалению, актриса сыграла ее считанное число раз). Офелия — новая музыка Бабановой, музыка незащищенной души, с нарастающей темой обреченности, с незабываемой песней сумасшествия. Песню-прозрением, песню молитвой перед смертью. Спектакль «Гамлет» был живописным; ритм, темп, мизансцены, пластика, костюмы — все элементы формы были очень важны. С каким чувством меры, с какой внутренней грацией Бабанова решала эту роль! Нельзя забыть легкого, прозрачного пластического рисунка, забыть рук Офелии, рук, в которых как бы оживал огромный воздушный шарф. Он исполнял сложнейшую партитуру движений, то рвался вверх, бунтовал, то покорно падал к ее ногам, как будто утратив силу и надежду, то любовно обвивал ее плечи. И все это делал он в руках актрисы легко, естественно, без каких-либо видимых

усилий — так, словно прожили они вместе всю жизнь, сроднились и без слов понимали друг друга. Вот когда пришло мне осознание огромности мастерства Бабановой. Это был поистине открытый класс мастерства — приходите, учитесь!

В спектакле «Кресло № 16» Бабанова играла роль суфлера, влюбленного в театр. Центральным местом спектакля стала ее песенка. Простенькая песенка, но с какой искренностью и душевной открытостью пела ее Мария Ивановна! И как слушал ее зал! Она привнесла в роль масштабность своей личности, масштабность, которой не хватало всему спектаклю в целом.

Музыке Бабановой присущи наполненность и точность. Все, что делает актриса на сцене, раскрыто до конца и становится конкретным, понятным. Нет, это не бытовое правдоподобие — Бабанова всегда стремится к укрупнению характера, обобщениям, но составные части этих обобщений — всегда точно отобранные, узнаваемые, «подсмотренные» в жизни.

Идут годы, меняется репертуар актрисы, круг ее ролей, но в главном Мария Ивановна по-прежнему верна себе. Это главное — требовательный, бесконечный поиск в искусстве. Не случайно маленькая роль матери, сыгранная ею в спектакле «Мария», была отмечена Государственной премией РСФСР. Сегодня мы можем увидеть Бабанову и в другом спектакле — «Дядюшкин сон». С огромным успехом играет актриса роль Марьи Александровны — казалось бы, совсем не «бабановскую», словно бы противоположную ее индивидуальности. Жадная, корыстная мещанка, готовая продать собственную дочь. И здесь звучит музыка — новая, неожиданная, не похожая на другие мелодии Бабановой. Она, эта музыка обволакивает, зачаровывает елеинными вкрадчивыми интонациями, ошеломляет

своим напором, не дает человеку опомниться. За легкой, изящной фразировкой, внешне благородной манерой и уверенностью Марьи Александровны не сразу различишь фальшь. Думаю, что вот так эту роль может играть только Бабанова. И это тоже очень важная черта ее искусства: своей индивидуальностью она всегда снимает привычные представления об образе.

...Критик Майя Туровская вспоминала, как однажды Ольга Леонардовна Книппер-Чехова целый вечер листала при ней страницы прежде сыгранных ролей, читая их как бы заново, удивляясь тому, как с годами все делается яснее и понятнее. Я позавидовала Туровской: почему лишь она одна была свидетельницей этой читки, этих актерских прозрений. Представила себе, как могла бы перелистать свои роли — те, что стали забываемой историей нашего театра, — народная артистка СССР Мария Ивановна Бабанова, себя вообразила зрителем, мысленно пригласила еще нескольких человек, влюбленных в искусство этой актрисы. Потом подумала: почему же их, только этих нескольких, ведь многие были бы счастливы прийти сюда! И вот уже желающие не умещаются в комнате, им тесно, и комната перерастает в зал. Так возникает в моем воображении театр — особый театр, сегодняшний театр Бабановой. Уверена, что достать билеты в него было бы невозможно. Сколько людей мечтало бы услышать неповторимую музыку Бабановой! Музыку, очарование которой так трудно передать словами.

Наверное, никто, даже самый большой мастер, не может научить искусству потрясать людей. Но он может научить потрясаться в театре — а это так важно каждому для понимания себя, людей, жизни! Вот за это чудо я всю жизнь люблю и благодарю Марию Ивановну Бабанову.

Лилия ТОЛМАЧЕВА,
заслуженная артистка РСФСР.

7

«НЕДЕЛЯ»
№ 14 (838)
1978